

УДК 343.125

М. М. Якубель, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail mayak81@list.ru;

К. В. Цыбулько, старший инспектор профилактики отдела охраны правопорядка и профилактики отдела внутренних дел Крупского районного исполнительного комитета
e-mail karina.rodko@bk.ru

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье анализируются положения уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок применения меры пресечения в виде запрета определенных действий. Исследуются особенности правовой конструкции, а также специфика реализации ограничений, входящих в ее состав. Определяются возможные пути совершенствования нормативной регламентации данного института с целью повышения эффективности правоприменительной практики.

Ключевые слова: мера процессуального принуждения, мера пресечения, запрет определенных действий, ограничение, порядок применения.

M. M. Yakubel, Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department of Criminal Procedure of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail mayak81@list.ru;

K. V. Tsybulko, Senior Prevention Inspector of the Law Enforcement and Prevention Department of Internal Affairs Department of the Krupsky District Executive Committee
e-mail karina.rodko@bk.ru

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS IN CRIMINAL PROCEDURES: CURRENT STATE, PROBLEMS OF APPLICATION, WAYS OF IMPROVEMENT

The article analyzes the provisions of the criminal procedure legislation regulating the procedure for applying a preventive measure in the form of a ban on certain actions. The features of the legal construction as well as the specifics of the implementation of the restrictions included in its composition are investigated. Possible ways to improve the legal regulation of this institution and their impact on the effectiveness of law enforcement practice are determined.

Keywords: measure of procedural coercion, preventive measure, prohibition of certain actions, restriction, procedure for application.

Одна из ключевых задач уголовно-процессуального закона заключается в обеспечении надлежащей правовой процедуры осуществления производства по уголовным делам, в том числе в части определения границ допустимого вмешательства в права и законные интересы граждан, обеспечиваемых государством: права на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, и др. Наибольший конфликт интересов возникает при необходимости применения определенных мер уголовно-процессуального принуждения к лицу, которое еще не признано в установленном законом порядке виновным в совершении преступления, в связи с чем перед законодателем стоит задача создать систему мер уголовно-процессуального принуждения, которая будет способствовать эффективному достижению целей уголовного процесса в условиях обоснованного и разумного использования правоограничений.

Появление в отечественной системе мер пресечения нового правового института «запрет определенных действий» стало очередным шагом на пути оптимизации механизма уголовно-процессуального принуждения. Первые годы практической реализации указанного новшества продемонстрировали наличие ряда проблемных аспектов: недостаточный потенциал запрета определенных действий как самостоятельного принудительного инструмента, отсутствие четкой нормативной регламентации в части оснований и условий применения конкретных ограничений, необходимость разработки эффективных способов осуществления контроля за исполнением применяемых запретов и др.

Исследованию указанных проблем посвятили свои труды отечественные и зарубежные ученые-процессуалисты. Так, место и роль запрета определенных действий в системе уголовно-процессуального принуждения исследованы Н. Н. Апостоловой, А. Р. Белкиным, В. В. Мелешко, Л. В. Павловой, С. С. Черновой и др. Анализ оснований и порядка применения проведен в трудах Н. В. Азарёнка и М. А. Мамошина. Специфику применения ограничений, составляющих запрет определенных действий, а также способы осуществления контроля за соблюдением этих ограничений анализировали С. А. Бажанова, А. В. Ендольцева, Т. Л. Щерба и другие авторы.

Несмотря на появление существенного количества теоретических работ, положения, содержащиеся в ст. 123¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), не подверглись корректировке и вызывают определенные трудности в понимании и применении практиками, что подтверждает необходимость комплексного теоретико-прикладного осмысления указанной меры пресечения с целью последующей ее оптимизации.

Анализ законодательной дефиниции рассматриваемой меры пресечения и ее правовой регламентации, определенной ст. 123¹ УПК, позволяет сделать вывод о том, что запрет определенных действий как мера пресечения имеет составную конструкцию и включает в себя следующие элементы:

обязанность подозреваемого (обвиняемого) самостоятельно являться по вызовам следователя, органа дознания или суда (ч. 5 ст. 123¹ УПК);

обязанность подозреваемого (обвиняемого) соблюдать один или несколько запретов (ч. 3 ст. 123¹ УПК);

осуществление контроля за соблюдением возложенных на подозреваемого (обвиняемого) запретов (ч. 4 ст. 123¹ УПК).

Изложенное свидетельствует о том, что содержание меры пресечения «запрет определенных действий» несколько шире, чем лексическое значение ее названия, так как предполагает соблюдение подозреваемым (обвиняемым) обязанностей не только запретительного, но и побудительного характера, а также включает в себя деятельность специальных субъектов по осуществлению контроля.

Отметим, что ряд исследователей не согласны с такой конструкцией запрета определенных действий, утверждая, что нельзя формулировать суть меры пресечения через деятельность по осуществлению контроля за ее соблюдением. Так, Н. В. Бушная отмечает, что «раскрывая содержание указанной меры, законодатель по непонятным причинам добавляет, что эта мера состоит также в осуществлении контроля за ней, но последнее скорее относится к механизму обеспечения выполнения подозреваемым или обвиняемым возложенных на него обязанностей» [1, с. 51].

Представляется, что закрепленная в уголовно-процессуальном законе конструкция все же обоснована, поскольку предопределена основаниями применения исследуемой меры пресечения и задачами, которые она призвана выполнять.

Наложение ограничений, предусмотренных рассматриваемой мерой, представляется наиболее эффективным в целях:

предупреждения совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом;

предупреждения действий, которые могут воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом;

создания условий для обеспечения исполнения приговора.

Применение любой из мер пресечения, в том числе запрета определенных действий, должно быть эффективным в части обеспечения постоянного нахождения лица в поле зрения органов уголовного преследования. В этой связи Н. В. Азарёнок сформулировал мнение о том, что ни один из предусмотренных законом запретов не решает ключевой задачи мер пресечения – «... воспрепятствовать подозреваемому, обвиняемому скрыться от органов, ведущих уголовный процесс.» [2, с. 112].

Действительно, анализ содержания запретов, перечисленных в ч. 3 ст. 123¹ УПК свидетельствует о том, что ни один из них не направлен на недопущение случаев сокрытия лица от органа, ведущего уголовный процесс. Только в ч. 5 ст. 123¹ УПК содержится указание о том, что в постановлении о применении рассматриваемой меры пресечения должна быть отражена «обя-

занность подозреваемого или обвиняемого самостоятельно являться по вызовам следователя, органа дознания или суда». Вместе с тем согласно ст. 41 и 43 УПК, закрепляющим права и обязанности подозреваемого и обвиняемого, последние по умолчанию должны являться по вызовам органа уголовного преследования.

Очевидно, что имеется необходимость повышения эффективности применения меры пресечения в виде запрета определенных действий посредством расширения круга обязанностей, накладываемых на подозреваемого (обвиняемого). Учитывая, что для надлежащего ведения уголовного процесса орган уголовного преследования должен располагать актуальной информацией о месте нахождения лица, к которому применен запрет определенных действий, видится целесообразным ч. 5 ст. 123¹ УПК дополнить положением об обязанности лица уведомлять орган, ведущий уголовный процесс, о перемене места жительства. Полагаем, что неисполнение данной обязанности может рассматриваться как основание для изменения меры пресечения в виде запрета определенных действий на более строгую.

Реализация предложенных изменений позволит, во-первых, исключить случаи намеренного уклонения лица от явки в органы, ведущие уголовный процесс, во-вторых, создаст необходимые условия для осуществления должного контроля за соблюдением подозреваемым (обвиняемым) возложенных на него запретов.

Как отмечалось ранее, суть исследуемой меры пресечения состоит не только в выполнении подозреваемым (обвиняемым) упомянутых обязанностей, но и в соблюдении определенных запретов. Законодатель детально определил, в возложении каких ограничений заключается рассматриваемая мера пресечения, изложив их в ч. 3 ст. 123¹ УПК.

Анализ содержания запретов, перечисленных в ч. 3 ст. 123¹ УПК, выявляет наличие категорий, требующих дополнительного разъяснения. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть проблемные вопросы порядка применения каждого из ограничений, а также возможные способы их решения.

Так, согласно п. 1 ч. 3 ст. 123¹ УПК на подозреваемого (обвиняемого) может быть возложен запрет «находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них».

Действующие нормы не конкретизируют, какими критериями должен руководствоваться правоприменитель при определении указанного расстояния. Думается, что в основу принимаемого решения должны быть положены особенности совершенного преступления и личности подозреваемого (обвиняемого). Вместе с тем, как справедливо отмечают отдельные авторы (О. И. Андреева, О. А. Зайцев и А. Ю. Епихин), налагая запрет, необходимо учитывать и объективные возможности его исполнения [3, с. 227]. Например, если потерпевший, к которому запрещено приближаться на расстояние ближе 100 метров, проживает в соседнем с подозреваемым (обвиняемым) подъезде дома, то выполнить предписание запрета (без изменения места жительства) будет объективно невозможно.

А. О. Бекетов, придерживаясь аналогичной позиции, указывает, что если расстояние установлено без учета объективных условий его соблюдения, то нарушение запрета может быть непреднамеренным и тогда «отсутствие умысла не считается нарушением» [4, с. 52].

В целом считаем верной позицию законодателя не определять нормативно конкретное расстояние, на которое запрещено приближаться к определенным объектам, а предоставить такую возможность правоприменителю. Вместе с тем предлагаем учесть волевой аспект в поведении лица и запретить умышленное нахождение ближе установленного расстояния до указанных объектов.

Также следует обратить внимание, что формулировка запрета, содержащаяся в п. 1 ч. 3 ст. 123¹ УПК предполагает, что указанные действия должны быть запрещены в совокупности. Это представляется неверным, так как они существенно отличаются по своему содержанию: первая часть запрета – «находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов» – связана с конкретным местом (зданием), вторая – «посещать определенные мероприятия и участвовать в них» – отражает форму проведения некоторого мероприятия, а их исключительно совместное применение не всегда целесообразно и влечет необоснованное ограничение прав подозреваемого (обвиняемого). К. Ю. Борзенкова, учитывая содержательное отличие ограничений, предлагает расположить их в различных пунктах [5, с. 63].

Принимая во внимание содержательные различия действий, составляющих данный запрет, предлагается применять их по принципу альтернативности, для чего п. 1 ч. 3 ст. 123¹ УПК изложить с использованием союзов «и», «или». Это позволит, соблюдая принцип разумного ограничения прав и свобод подозреваемого (обвиняемого), применять указанные ограничения в зависимости от обстоятельств уголовного дела, либо в комплексе, либо по отдельности.

В контексте применения запрета, предусмотренного п. 1 ч. 3 ст. 123¹ УПК следует также рассмотреть запрет, содержащийся в п. 3 ч. 3 ст. 123¹ УПК. Указанная норма предусматривает возможность наложения запрета «общаться с определенными лицами». Данный запрет включает в себя сразу две категории «общение» и «определенные лица», которые не конкретизированы законодателем и могут по-разному толковаться в правоприменительной деятельности.

Так, под определенными лицами следует понимать лицо, обладающее персонифицированными признаками. Анализ практики применения рассматриваемого запрета показал, что чаще всего он реализуется посредством указания в постановлении о применении меры пресечения уголовно-процессуального статуса лица, а также его фамилии и инициалов. Считаем, что такой подход наиболее приемлем, так как он способствует правильному уяснению подозреваемым (обвиняемым) личности лица. Вместе с тем отсутствие в некоторых случаях привязки к процессуальному статусу субъекта позволяет расширить границы применения указанного ограничения и накладывать его не только для защиты лиц, уже участвующих в уголовном процессе.

Например, А. Ю. Епихин и О. И. Андреева считают, что необходимо предусмотреть возможность наложения запрета на общение не только с участниками процесса, но, при необходимости, и с их родственниками, а также иными лицами, известными подозреваемому (обвиняемому), но не участвующими в уголовном процессе [3, с. 226].

Ввиду того что законодатель не разъясняет и категорию «общение» в уголовно-процессуальной науке, под ним преимущественно понимается процесс речевого взаимодействия. Вместе с тем лицо может не осуществлять вербальной коммуникации, однако, находясь в поле зрения другого субъекта, путем демонстрации жестов, надписей (в том числе угрожающего и запугивающего характера) может осуществлять общение.

М. А. Мамошин для наибольшей эффективности применения рассматриваемого запрета предлагает изложить его в следующей формулировке: «встречаться и общаться с определенными лицами», что позволит, по его мнению, защитить лицо от всех форм воздействия [6, с. 18].

Однако, считаем, что такая формулировка запрета не позволяет учитывать волевой аспект подозреваемого (обвиняемого), так как встреча – явление не всегда контролируемое лицом и может произойти случайно, в связи с чем целесообразно изложить ограничение следующим образом: «общаться, а также умышленно приближаться ближе установленного расстояния», это позволит создать условия для более качественного обеспечения безопасности лица от всех форм воздействия, как вербальных, так и невербальных.

Согласно п. 2 и 2¹ ч. 3 ст. 123¹ УПК на подозреваемого (обвиняемого) могут быть наложены запреты «пребывать в общем с потерпевшим жилком помещении и распоряжаться общей совместной собственностью», «предпринимать попытки выяснить место пребывания потерпевшего, иных участников уголовного процесса». При этом возможность применения запрета, содержащегося в п. 2 ч. 3 ст. 123¹ УПК, носит исключительный характер и определяется категорией преступлений, совершенных в отношении члена семьи либо бывшего члена семьи.

Особенность данных ограничений заключается в том, что они устанавливают пределы правомерного поведения не только для подозреваемого (обвиняемого), но и в определенной степени затрагивают интересы защищаемого лица. При этом положения ст. 123¹ УПК не содержат требования о вручении копии постановления о применении меры пресечения данным лицам либо иного способа их уведомления, что представляется серьезным упущением.

Т. Л. Щерба справедливо отмечает, что уголовно-процессуальным законом закреплено право потерпевшего быть информированным о принятии решений, затрагивающих его права и интересы [7, с. 102].

Л. В. Брусницын также придерживается указанной позиции, признавая обоснованность нормы, закрепленной в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, обязывающей уведомлять о применении запрета определенных действий тех участников процесса, для безопасности которых запреты установлены [8, с. 83].

Интересным представляется мнение А. С. Есиной, О. Е. Жамковой и А. В. Борбата, которые предложили дополнить уголовно-процессуальное законодательство положением о том, что при избрании меры пресечения должно учитываться мнение потерпевшего и (или) его законного представителя, а в протоколе разъяснения прав потерпевшему следует делать отметку о том, хочет ли потерпевший знать об избранной в отношении подозреваемого (обвиняемого) мере пресечения [9, с. 25].

Таким образом, согласимся, что указанное в ст. 119 УПК требование о необходимости уведомления лишь подозреваемого (обвиняемого) о применении указанных запретов, недостаточно, в связи с чем есть необходимость исключить правовой пробел и закрепить обязанность органа, ведущего уголовный процесс, уведомлять заинтересованных участников уголовного процесса о принятии подобного решения. Такая позиция позволит, с одной стороны, сохранить баланс прав потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), с другой стороны, осведомленность защищаемого лица значительно облегчит контроль за исполнением указанного ограничения.

На основании п. 4 и 5 ст. 123¹ УПК в отношении подозреваемого (обвиняемого) могут быть применены запреты «отправлять и получать почтово-телеграфные отправления» и «использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет». Стоит отметить, что ранее данные ограничения могли быть реализованы лишь в рамках применения меры пресечения в виде домашнего ареста, а в настоящее время являются самостоятельными ограничительными мерами.

Представляется, что применение вышеотмеченных запретов эффективно лишь в сочетании с мерами, ограничивающими свободу передвижения лица. В ином случае осуществление контроля за соблюдением подозреваемым (обвиняемым) указанных ограничений практически невозможно, так как последний имеет свободный доступ к различным объектам и лицам, предоставляющим возможность выхода в сеть Интернет (интернет-кафе, компьютерные клубы, знакомые).

Так, А. Р. Белкин отмечает: «совершенно очевидно, что подобные запреты в условиях нахождения обвиняемого, подозреваемого на свободе могут быть реализованы только путем следственного действия – наложения ареста на почто-телеграфную корреспонденцию (отправление), но и в этом случае исходящую корреспонденцию задержать затруднительно» [10, с. 47].

Согласимся, что эффективность данных запретов напрямую зависит от качества осуществления контроля за их исполнением, а так как на современном этапе развития информационных технологий это возможно лишь в условиях ограничения беспрепятственного перемещения лица в пространстве, считаем, что действенное использование указанных запретов возможно только в рамках реализации меры пресечения «домашний арест».

Еще одним ограничением является запрет «управлять транспортным средством». Он применяется на основании п. 6 ч. 3 ст. 123¹ УПК и лишь в отношении лиц, совершивших преступление, связанное с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Подобное ограничение впервые появилось в уголовно-процессуальном законодательстве, однако имеет значительное сходство с некоторыми принудительными механизмами, применяемыми в административной деятельности, а также с уголовным наказанием и административным взысканием в виде лишения права заниматься определенной деятельностью. Учитывая вышеизложенное, в целях повышения качества применения настоящего запрета видится целесообразным использование положительного опыта применения смежных мер.

Реализация настоящего запрета происходит посредством проставления сотрудниками Государственной автомобильной инспекции соответствующей отметки «лишение» в базе данных АИС «ГАИ-Центр». Однако в случаях, когда лицо обладает специальным правом управления, полагаем, что исполнение запрета управлять транспортным средством помимо фиксации его в базе данных в обязательном порядке должно сопровождаться фактическим изъятием водительского удостоверения.

Подобная позиция уже обоснована в научной литературе. Например, А. И. Коврижкин, положительно оценивая позицию законодателя Российской Федерации в части нормативного закрепления необходимости изъятия водительского удостоверения с указанием места и сроков его хранения, выразил мнение о том, что такой подход принципиален, так как позволит разрешить возможные конфликтные ситуации между представителями органа уголовного преследования и другими участниками уголовного процесса в части трактовки обоснованности изъятия документов [11, с. 194].

Представляется, что в Республике Беларусь данная деятельность может быть упорядочена путем расширения круга правоотношений, регулируемых постановлением МВД Республики Беларусь от 9 апреля 2018 г. № 111 «О порядке изъятия водительского удостоверения», для чего следует дополнить его положением, регламентирующим порядок составления акта об изъятии водительского удостоверения у лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде запрета определенных действий.

Рассмотрение сущности правоограничений, включенных в запрет определенных действий, позволяет сделать вывод о том, что запрет справедливо отнесен законодателем к группе мер пресечения, так как способствует достижению целей, изложенных в ч. 1 ст. 116 УПК. Однако эффективность применения данной меры пресечения во многом определяется качеством ее правового регулирования. Учитывая недолгое существование запрета определенных действий в отечественной системе мер уголовно-процессуального принуждения имеется ряд проблемных позиций, требующих нормативной корректировки. Так, повышение эффективности применения запрета определенных действий как самостоятельного механизма принуждения возможно путем расширения круга обязанностей подозреваемого (обвиняемого) в части своевременного уведомления органа уголовного преследования о перемене места жительства. Неисполнение указанной обязанности может рассматриваться как основание для замены данной меры пресечения на более строгую.

Эффективное применение многоаспектных по своему характеру запретов, содержащихся в ч. 3 ст. 123¹ УПК, возможно путем выработки унифицированного подхода по следующим позициям:

единообразное понимание правоприменителями терминов «установленное расстояние», «общение», «определенные лица» как категорий, принципиально определяющих пределы применения ограничений, позволит унифицировать порядок реализации запретов, содержащихся в п. 1 и 3 ч. 3 ст. 123¹ УПК;

изложение запретов, содержащихся в п. 1 и 3 ч. 3 ст. 123¹ УПК, с учетом волевого аспекта в поведении лица позволит минимизировать случаи необоснованного применения карательных мер воздействия к подозреваемому (обвиняемому) в случае неумышленного совершения запрещенных действий;

нормативное закрепление и обязательное соблюдение процедуры уведомления всех заинтересованных участников процесса о применении к подозреваемому (обвиняемому) запрета определенных действий позволят минимизировать ситуации необоснованного ограничения прав указанных лиц;

нормативное закрепление обязанности органа, ведущего уголовный процесс, изымать водительское удостоверение у лица, к которому применен запрет управлять транспортным средством, позволит конкретизировать порядок применения соответствующего запрета и будет способствовать созданию условий для надлежащей его реализации.

Реализация предложенных изменений позволит усилить потенциал запрета определенных действий как достойной альтернативы другим мерам пресечения, не связанным с изоляцией лица от общества.

Список использованных источников

1. Бушная, Н. В. Запрет определенных действий – уголовно-процессуальная новелла / Н. В. Бушная // Законность. – 2019. – № 4. – С. 50–52.
2. Азарёнок, Н. В. Основания и порядок применения запрета определенных действий / Н. В. Азарёнок // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 109–112.
3. Андреева, О. И. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе / О. И. Андреева, О. А. Зайцев, А. Ю. Епихин // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2018. – № 436. – С. 225–229.
4. Бекетов, А. О. Запрет определенных действий как новая мера пресечения в уголовном судопроизводстве / А. О. Бекетов // Законодательство и практика. – 2018. – № 2. – С. 52–56.
5. Борзенкова, К. Ю. Проблемные аспекты меры пресечения в виде запрета определенных действий / К. Ю. Борзенкова // Поколение будущего: взгляд молодых ученых. – 2018. – № 3. – С. 61–64.
6. Мамошин, М. А. Научный взгляд на применение запрета определенных действий в качестве меры пресечения / М. А. Мамошин // Вестн. Дальневосточ. юрид. ин-та. – 2019. – № 1. – С. 16–21.

7. Коврижкин, А. И. Запрет определенных действий – новая мера пресечения / А. И. Коврижкин, Т. Л. Щерба // Право.by. – 2021. – № 4. – С. 99–104.
8. Брусницын, Л. В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения и вне этой системы / Л. В. Брусницын // Государство и право. – 2021. – № 1. – С. 81–88.
9. Есина, А. С. Вопросы совершенствования мер пресечения в современном уголовном процессе России / А. С. Есина, О. Е. Жамкова, А. В. Борбат // Рос. следователь. – 2019. – № 1. – С. 23–25.
10. Белкин, А. Р. Запрет определенных действий: хорошо ли он определен? / А. Р. Белкин // Судеб. власть и уголов. процесс. – 2019. – № 2. – С. 43–50.
11. Коврижкин, А. И. Мера пресечения «запрет определенных действий» в сравнении с аналогичной мерой пресечения, действующей в Российской Федерации / А. И. Коврижкин // Правовая культура в соврем. о-ве. – 2021. – № 1. – С. 190–196.

Дата поступления в редакцию: 18.05.2024